

«Ещё, как патриарх, не древен я...»

Виктор Леонидов (Москва)

*«Воспоминания слишком дают плечи,
Я о земном заплачу и в раю»*

Марина Цветаева.

«Виктор? Это Шмидт. Вы не в Австралии?»

Так всегда начинались его звонки последних двух лет. Меня поражало, что Сигура Оттович всегда представлялся, как будто я, да и сотни людей, которым повезло встретить в жизни этого фантастического человека, не узнавали сразу этот голос, эту изумительную русскую речь.

Вежливость и предупредительность, даже по отношению к людям, которые были больше чем на полвека младше его, являлись неизменными качествами Шмидта. Я помню, когда во время самых разных юбилеев выходили женщины с поздравлениями, он всегда вставал. Одна преподавательница, влюблённо глядя на него, пригрозила, что если он не присядет, она сойдёт с трибуны. Естественно, это было совершенно бессмысленно.

Встречи — одна из главных удач в жизни. Люди, которые становятся тебе родными, наставники — определяющие твою судьбу. Всё давно и хорошо известно. И Сигура Оттович служил олицетворением этих истин.

Есть такое выражение: «Человек — праздник.» Для него это подходило, но не совсем. Учитель, старший товарищ. Сразу трудно подобрать дефиниции, кем он был для всех нас. Но совершенно ясно, что если бы не Шмидт, многие из нас стали бы совершенно другими.

Тридцать пять лет, начиная с незабываемой первой лекции в Московском государственном архивном институте до последнего разговора за несколько дней до его ухода, когда я сообщил ему, что вышла книга Дмитрия Сергеевича Лихачёва на болгарском языке и издатель очень просил ему её передать, мне выпало счастье

общаться с ним. Причём, в отличие от очень многих его учеников, любимых и безмерно преданных, у меня было серьёзное преимущество. Я жил в двухстах метрах от его дома, на любимом «приарбатье», и мог заходить просто так.

Интересно, что архивисты и историки, люди, как никто другой знающие цену слову и историческим свидетельствам, редко ведут дневники. И каждый раз, когда невзвратно уходит человек, сыгравший огромную роль в твоей жизни, начинаешь сожалеть, что ничего не записывал.

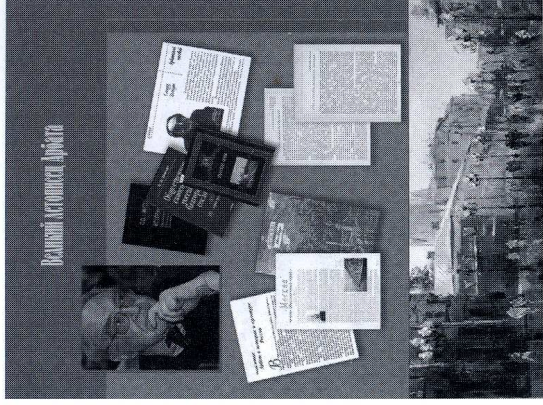
Он откидывался в кресле, чуть прищурившись, смотрел на тебя, в глазах возникла забывенный огонёк. Неожиданно прерывая, говорил: «Как интересно!» — и начинал развивать твою мысль. Причём до таких высот, о которых сам собеседник не мог и додуматься.

Это была одна из его главных черт. Сигура Оттович «зажигался» сразу, с ходу. На заседании кружка историковедения, он, укавав на недостатки доклада первокурсника, красневшего и готового провалиться сквозь землю, переходил к достоинствам работы и актуальности исследования. И столько было силы и мощи в этих выступлениях, что у будущего гения буквально вырастали крылья.

Однажды в коридорах МГИИ, в облаке тогда разрешённого сигаретного дыма, два преподавателя довольно громко обсуждали вездесущую деятельность Шмида. «Ну, он и у пионеров, и на конференции молодых ученых, и на кружке. Книги надо писать, не разбрасываться». Сейчас понятно, что они просто недопонимали, с кем имели дело. Сигура Оттович был подлинный просветитель, и если бы он занимался только кабинетными исследованиями, не было бы столько учёных, ставших гордостью российских науки, не увидели бы свет сотни уникальных источников и не было бы спасено множество сотен памятников отечественной культуры. В том то и сила этой фантастической личности, что он был из «карамзинской плеяды». Недаром великий историк оставался одним из его главных героев.

Шмидт очень любил жизнь, любил людей, учеников, и всегда не переставал удивляться. Я часто рассказывал ему о своих

поездках, о людях, которые про-
силы передать привет дорогому
и любимому учителю из самых
разных стран. Так, мне повезло,
и с нашим военным историком
Игорем Домниним мы целый
месяц выступали на зелёном кон-
тиненте, представляя в Австра-
лии Дом русского зарубежья
имени Александра Солжени-
цына. Помню, в какой восторг
привёл Сигура Оттовича рас-
сказ о русских библиотеках и о
церквях, построенных в различ-
ных стилях: «Это и есть истори-
ческая память! Вот в чём сила
краеведения», — горячо доказывал

Плакат выставки «Яворянин с Арбатского двора...»

он, как будто кто-то с ним спорил.

Энергия его была неиссякаемой. «Я трудолюбик и не умею от-
дыхать», — повторял он. Непонятно только, когда всё можно было
успеть. Заседания, ученики, кружок, который он вёл более полуве-
ка, Союз краеведов, Археологическая комиссия, Московская
энциклопедия. Статьи, рецензии, книги. А ещё — поездки, конфе-
ренции, и необычайно ответственное отношение абсолютно ко
всему, чем приходилось заниматься. Он мог часами говорить с
редактором того или иного издания, отстаивая вопрос, который
показался бы кому-то другому ничего не стоящим. Но для него
не существовало мелочей. Недаром, с первых шагов Шмидт приу-
чал учеников к строгому библиографическому и археографичес-
кому оформлению работ.

Сигура Оттович воплощал образ русского интеллигента, чу-
дом уцелевшего в мясорубке XX века. На него хотелось быть
похожим и, как магнит, он притягивал к себе людей. Чужой успех
прощать трудно. Иногда слышался брюзжащий голос: «Шмидт
всегда умел ладить с властями». Откровенно говоря, первое жела-

ние бывало дать говорившему подобное хорошую оплеуху. Но если разбираться подробнее...

На моих глазах во время торжественного открытия Дома русского зарубежья, буквально отодвинув какую-то «виповскую» делегацию, мэр Москвы Ю.М. Лужков кинулся к нему с объятиями: «Сигура Оттович! Дорогой!»

Да, он не призывал к свержению Советской власти и не лез на баррикады. Но Шмигд вёл каждодневный бой против мракобесия, бой за талантливых учеников и за издание запрещённых книг, за исследование источников, связанных с репрессированными историками, с православием и за сохранение памятников архитектуры. Он выбивал московскую прописку для талантливых иногородних выпускников МГИИИ, что тогда было почти невозможно.

Он так и не был принят в «большую» Академию» наук СССР. Рискну предположить, что это тяготило его. Но ему некогда было тратить время на обиды.

Каждый приходивший к нему поражался кипе новых книг, журналов, сборников, альманахов. Но самое интересное, что он всё успевал прочесть, просмотреть, выделать самое главное и сразу наметить новые направления работы. И это при том, что по меньшей мере полдня писал на своей старенькой легендарной машинке.

Память Шмигта была бездонной. В разговорах с ним всё время возникали какие-то новые имена в связке с более известными фигурами. Врачи, учителя, историки, партийные работники, о многих из которых он отзывался с благодарностью за помощь. Принося ему книги от его верного соратника директора Дома русского зарубежья Виктора Александровича Москвина, вышедшие в издательстве «Русский Путь», я поражался, что он уже успел прочесть предыдущие.

И в то же время, я мог спокойно рассказать и смешной случай, и какой-то анекдот. Мы, бывало, просто хохотали вместе с его верным Андреем Мельниковым, снявшим с него столько забот и практически ставшим ему сыном. Иногда я приносил гитару и пел свои новые песни или столь любимого Шмигтом Окуджаву.

Сигура Оттович любил посмеяться и поиронизировать над глупостью, чванством.

Наверное, Шмигта трудно представить в нынешней среде оппозиционеров, потому что главным для него была работа и возможность помочь тем, кто этого заслуживал. Любые помехи лишь раздражали его. Как подлинный, настоящий историк, он слишком хорошо представлял, какие непредсказуемые последствия несут революции и бескомпромиссная борьба с властью. Часто цитировал слова Карамзина во время восстания декабристов: «Я, мирный историограф, алкал грома».

Однажды мы говорили о Натане Яковлевиче Эйдельмане. Безмерно уважая этого учёного и его умение показать всю магию архивного поиска, я никак не мог принять то, что он сделала достоянием гласности частную переписку с Виктором Петровичем Астафьевым, великим писателем и правдорубом. «Но Натан был государственно-мыслящим человеком и очень любил Россию. И сам он тоже был настоящим, подлинным патриотом.

Шмигд иногда вспоминал своё детство и юность, когда “исчезали” родные, родители друзей, одноклассников, когда никто не мог дать гарантии, что завтра не арестуют его легендарного отца или его самого. «Я часто вижу сны, где живые общаются с мёртвыми», – рассказывал он.

Однажды я провожал его домой из Дома-музея Марины Цветаевой, где прошёл вечер памяти блистательного певца Арбата прозаика Бориса Зайцева. Шёл мягкий снег, и Сигура Оттович варуг сказал: «Я бы хотел уйти в такую погоду». Холода шёл у меня по спине. Он, по-моему, плохо слушал моё невнятное бормотанье, что, мол, поговорим об этом после Вашего столетнего юбилея. В отличие от всегда оживлённых совместных прогулок, шёл молча. И это, наверное, был единственный случай в нашем общении, когда он полностью погрузился в свои мысли.

Жизнь разделилась для всех, кто его знал и любил, на до и после Шмигта...